

Расколотое небо

Восток Украины. Начало 30-х.

Хозяйство у родителей Вари было крепкое, но достаток не принес ей счастья. Сначала девушке пришлось отказаться от любви — отец выдал ее замуж за богатого соседа. Все нажитое кровью и потом добро забрали в колхоз.

Вскоре пришел голод, и Варя осталась одна с двумя детьми на руках. Вымирали целые деревни. Молодые матери подбрасывали своих малышей в поезда, идущие в город. Но Варя не могла расстаться с сыном и доченькой. Ночами она тайком варила им жиденькую похлебку из припрятанных продуктов.

Приближалась зима. Кто поможет Варе и детям выжить

Світлана Талан

Расколотое небо

*Любовь на краю смерти.
Украина. 1933-й*

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Светлана Талан

Расколотое небо

Р^{оман}

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2015

© Талан С., 2014

© DepositPhotos.com / eddiephotograph, Reanas, deltaoff, saphira, mikeexpert, Givaga, обложка, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2015

ISBN 978-966-14-8492-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Електронная версия создана по изданию:

Україна, 1930-ті роки. Варя виросла в заможній родині, у якій вмiли та любили працювати, тому й господарство мали міцне. Але прийшли інші, лихі часи. Почалася колективізація, і все, що люди заробили своїм потом, потрібно було віддати... Хіба ж хто знав, яка страшна біда чекає на ці щедрі землі? Годі було уявити, що голодна смерть спустошить усе навколо. Втративши чоловіка, родичів, Варя залишилася сама з маленькими дітьми. Хто зможе їх урятувати?

Талан С.

Т16 Расколотое небо : роман / Светлана Талан ; пер. с укр. Р. Хворостяной ; предисл. О. Хвостовой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2015. — 352 с.

ISBN 978-966-14-8321-6 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3122-6 (Россия)

Украина, 1930-е годы. Варя выросла в зажиточной семье, в которой умели и любили работать, потому и хозяйство имели крепкое. Но пришли иные, лихие времена. Началась коллективизация, и все, что люди заработали своим потом, нужно было отдать... Кто знал, какая страшная беда ждет эти щедрые земли! Невозможно было представить, что голодная смерть опустошит все вокруг. Потеряв мужа, родственников, Варя осталась одна с маленькими детьми. Кто сможет их спасти?

УДК 821.161.2

ББК 84.4УКР-РОС

Перевод с украинского *Раисы Хворостяной*

Филиал ада на земле

Это как раз такая история, которую невозможно читать без брома. И именно такая, которую невозможно не читать, которую должен прочесть каждый украинец. Пусть говорят: несвоевременно, достаточно горестей и трагедий, давайте о светлом и оптимистичном. Но это то, что нельзя забывать. То, что нельзя сконденсировать в одну строку в учебнике истории. То, что коренным образом изменило всех нас, даже тех, кого тогда еще не было и в планах нескольких следующих пятилеток... Отзвуки голода есть в каждом из нас, в каждом потомке тех, кто выжил.

В романе Светланы Талан «Расколотое небо» — та Луганщина, которую целеустремленно уничтожали самым страшным из всех возможных способов: морили голодом. Здесь было все: и детские пальчики в чугуне с кипятком, и собачье рычание истощенной голодом женщины, и опухшие, потрескавшиеся конечности, из которых течет сукровица, и подводы с трупами, и ребенок, который пытался напиться собственной крови, но так и окоченел, и отцеубийства. Местных жителей еще и истязали репрессиями, вывозили в Сибирь, вычеркивали — не только из нормальной, но и вообще из жизни — всеми самыми жестокими способами. Окруженные границами энкавэдэшников украинские села, из которых не выпускали никого, — и другие, русские села, в каком-то десятке километров, где люди хоть и бедствовали, но не голодали...

По силе передачи сверхсложных эмоций и перипетий жизненных катастроф Светлана Талан приближается к нобелевской лауреатке Герте Мюллер[1]. По глубине и четкости изображения деталей голода 1932—1933 годов роман «Расколотое небо» схож с «Марией» Уласа Самчука[2]. По уровню понимания и отображения карательной системы СССР роман близок к «Саду Гетсиманскому» Ивана Багряного, признанного классика украинской литературы XX века. Можно проводить еще много параллелей с разными авторами, но, как бы там ни было, творчество Светланы Талан остается абсолютно самобытным явлением.

Под звездами нет ничего нового: любовь, которая прошла испытание временем и страшными обстоятельствами; любовный треугольник, где третьего лишнего определяют и удаляют высшие силы; дети-цветы, которые чудом выживают; зло, которое переходит все пределы, и всепобеждающее добро...

Герои романа «Расколотое небо» не раз и не дважды называют иродами тех, кто творит беззаконие, прикрываясь законами. Все старания понять логику действий активистов-коммунистов терпят поражение, попытки отыскать человеческие черты в тех, кто стал орудием истребления собственного народа, оказываются напрасными. Единственное объяснение, которое кажется более-менее реалистичным, несмотря на всю свою фантастичность, — то, что на украинской земле 20—30-х годов XX века орудовал дьявол. Небольшое село Подкопаевка на Луганщине превратилось в филиал ада, которым, как мы уже хорошо знаем, в то время стала бо`льшая часть Украины.

Сама земля здесь пропитана кошмаром, на каждом метре — литры крови и тонны проклятий... Непрощенные, неотпущенные души до сих пор кружат здесь, и, чтобы исправить это, надо назвать поименно всех и молиться, молиться, молиться чистыми тихими молитвами. Нам всем, всей Украине, всем миром. Молиться и просить прощения за то, что наши предки не остановили этот ужас. За то, что не смогли, не умели или не знали. За расколотое небо над их головами, чтобы оно стало единым над нашими...

Ольга Хвостова

Ой, упали ж да упали кровавые росы На тихенькие-тихие поля. Мой народ! Темный и босой! Пусть святится твое имя!

Евгений Плужник. Галилей

В тридцать третьем году ели люди лебеду, Пухли люди с голода, умирали на ходу. Отощали все люди, падали, как мухи, Крапивою-лебедою не наполнишь брюха.

Егор Мовчан. Дума о голоде

Часть первая

Черножуковы

Глава 1

Лето 1929 года

Полнолицая луна зависла в темном вечернем небе, созерцая утихшее и утомленное за день село. Сверху хорошо были видны соломенные крыши, смахивавшие сейчас на шляпки старых и перезрелых грибов. Хаты села Подкопаевка разлеглись полосами-улицами, будто разорвалась низка бус, ее бусинки рассыпались в разные стороны, покатались да и замерли под кронами развесистых деревьев, среди тенистых садиков, где-то между кустами и буйной зеленью огорода. Лишь несколько хат сверкали в холодном лунном свете железными кровлями, словно щеголяя блеском перед скромными своими соседками, натянувшими на головы соломенные шляпки. Наверное, они с завистью поглядывали днем на новую диковинную крышу, которую в селе называли бляхою, поскольку та днем необычно отражала солнечные лучи, ослепляя тусклые глаза скромных своих сестер. «Придет ли время, когда с нас сбросят трухлявые соломенные шляпы и их уже не будет кромсать разъяренный осенний ветер? Скоро ли наденут модные, надежные, железные, чтобы уже не бояться ни ветров, ни большого снега?» — мечтали хаты, глядя прищурившись на блестящие кровли домов местных богачей Черножуковых.

Так было днем. Но вот наступил тихий и кроткий, как весенний дождик, вечер. Постепенно утих сельский гвалт. Смолкли и задремали сытые коровы, в конюшнях притихли лошади, уснули даже шумные

гуси и утки. Люди заперли сараи и хлева, прикрыли навесы, спеша под крыши домов. Хаты тоже притихли, чтобы хозяева смогли спокойно отдохнуть после очередного летнего трудового дня. Постепенно свет в окнах погас, и село, наверное, погрузилось бы в сплошную темноту, если бы не эта полнолицая улыбающаяся луна на звездном небе да свет в одной из горниц Черножуковых. Там до сих пор суетилась молодая и красивая, как сам мир, младшая дочка Павла Серафимовича Черножукова — Варвара, или Ласточка, как ее часто называл любящий отец, или Мавка, как Варю иногда за глаза величали односельчане.

— Варька, это ты? — донесся с кровати хриловатый сонный голос Вариной бабушки.

— А кто же еще? — улыбнулась Варя. — Кто еще здесь может быть?

— Не спишь? — спросила старушка, поворачивая голову на голос внучки.

— Сейчас буду ложиться, — ответила Варя. Она достала из-за лежанки вязаные шерстяные носки, подошла к бабке. — Вот, носочки наденем и будем спать, — сказала она мягко, будто ребенку.

Да и не ребенок ли ее бабушка Секлета? Через пять лет старушка отметит столетие, и уже давно она немощная и совсем слепая. Варя была еще маленькая, когда в глазах бабушки потускнел божий свет, их закрыла молочная пелена тумана, оставив старушке возможность жить воспоминаниями о прошлом, которые все чаще тоже укрывала лоскутками мглы. Бабушка постоянно мерзла, поэтому даже летом спала под одеялом, а на ночь Варя надевала ей теплые носки и жилет, которые сама связала из овечьей шерсти. Старушка послушно позволила втиснуть свое высохшее желтое тело в теплую одежду.

— Так лучше? — спросила Варя, заботливо подоткнув бабушке под бока теплое одеяло.

— Хорошо, хорошо, — произнесла старушка.

— Молочка налить?

— Нет, не хочу. Ложись уже спать, завтра родители разбудят до восхода солнца.

— Сейчас. Вы спите, бабуля, спите.

Варя дождалась, пока дыхание старушки выровнялось, потушила лампу и тихонько выскользнула на улицу. Луна уже поднялась высоко, заливая все вокруг серебряным светом. Девушка невольно бросила

взгляд на большую родительскую хату, возвышавшуюся на другой стороне просторного двора. Ее построил отец своими руками вместо той, где жила бабушка, но старушка упрямо не хотела перебираться в новое жилище. «Я сюда выходила замуж, здесь детей рожала, здесь мне и руки на груди сложат», — сказала как отрезала. Перечить ей не стали, потому что в семье старость уважали. Поэтому отец и мать Вари жили в новом доме, а девушка осталась возле бабушки в старенькой хате, под соломой и с глиняным полом.

Варя прошла мимо собачьей будки. Мохнатый рыжий увалень Туман загремел цепью, высунув голову и втягивая носом воздух. Варя тихонько окликнула его, чтобы пес случайно не залаял, прислушалась. Вокруг стояла мертвая тишина, лишь иногда подавала голос чья-то собака, слышав поблизости соседского кота. Девушка приотворила калитку, слегка ее приподняв, чтобы не заскрипела, вышла со двора. Кажется, вокруг никого. Варя повернула направо, миновала свой новый дом, бросив на него взгляд: высокий, с большими окнами, с железной крышей. Его ей строит отец, как он говорит, «на приданое моей Ласточке». Если все пойдет хорошо, то осенью справят новоселье. Вот тогда Варя станет полноправной хозяйкой и просторного двора, и дома с высоким крыльцом под крышей, и сможет вволю вслушиваться в тихое поскрипывание новых половиц. Правда, девушка еще не знала, как оставлять бабушку одну в старенькой хате, но сейчас ее не это волновало.

Варя на мгновение остановилась. Казалось, сердце от волнения так стучит, что может разбудить соседей. Девушка прислушалась: не следит ли кто за ней? На миг показалось, что где-то под заборами или за соседскими плетнями мелькнула темная тень. Несколько минут Варя стояла, замерев и боясь даже вздохнуть полной грудью. Неужели Василий Морозенко следит за ней даже ночью? Днем попадаетея на глаза там, где его не ожидаешь, выныривает, как привидение. Говорила уже, и не раз, чтобы оставил ее в покое, а он не обращает внимания. Никак не хочет этот Василий понять, что не люб он ей, совсем не люб! Мало ли красавиц в селе?! Так нет, прицепился к ней, как репей к кожуху. И что он в ней нашел? Обычная девушка, худенькая, грудь маленькая, тонкие руки и ноги, простое лицо. Разве что пушистые светло-русые длинные косы... Папа иногда шутит, говоря, что ее косы толще талии.

Девушка, застыв, постояла несколько минут и снова шмыгнула вдоль по улице, затем свернула в переулок, который узенькой, позмеиному выгнутой лентой тянулся вниз до самой левады. Варя легко побежала, ни на мгновение не теряя бдительности. Она вслушивалась в каждый звук, но, кроме стрекотания сверчков в густой траве по обе стороны дорожки и фыркания лошадей на лугу, ничто не нарушало тишины.

Потянуло приятной влагой с озера. Варя даже видела его очертания в туманной дымке, молочной пеленой нависшей над притихшей водой. Казалось, на землю присело легкое облачко, замечталось, да так и замерло, купаясь в лунном серебре. Но у девушки не было времени любоваться окрестностями. Озеро осталось справа, а Варя, еще раз пугливо оглянувшись, быстро направилась туда, где застыли в немом ожидании тонкокосые стройные березки. Не в силах больше себя сдерживать, девушка ринулась напрямик, обжигая ноги росистой травой. Сердце безумно заколотилось, когда она заметила знакомую фигуру под деревом. Еще мгновение — и она в объятиях любимого!

— Ты пришел! — выдохнула она, ловя его торопливые горячие поцелуи.

— Дорогая, любимая, милая моя, — горячо зашептал юноша, целуя ее лицо. — Как я мог не прийти? Я летел на крыльях, а не шел! — пылко говорил он, прижимая ее к себе, а Варя подумала, что еще миг — и она захлебнется от счастья.

Они с самой ранней весны почти каждую ночь тайно встречаются на этом месте, а чувства не ослабевают, напротив, становятся все крепче. Она думает о нем каждое мгновение, каждую минутку, и от таких мыслей сердце наполняется приятной щемящей болью.

— Моя Варенька, моя любимая... — Андрей с восторгом посмотрел в ее прекрасные влажные глаза цвета неба. Из них лился теплый свет, окутывая парня нежностью, а само лицо с тонким носиком и полными губами в лунном сиянии казалось бледным и будто лучилось. Их лица сошлись так близко, дыхание смешалось, и они наслаждались этим сладким мгновением. Андрей не мог оторвать взгляда от ее глаз, сияющих счастьем. — Как же я тебя люблю! — прошептал он.

— И я тебя! — страстно ответила Варя. — Так люблю, что самой страшно становится!

— Почему?

— Не знаю, — она пожала худенькими плечиками, — потому что глупая.

Варя потрепала темные волосы Андрея, буйно вьющиеся на висках. Из-под усов парня блеснула улыбка, осветила все лицо, и оно стало круглее. Он обнял Варю за плечи, прижал к себе. Влюбленные молча зашагали между березами, дремавшими под лунным сиянием, распустив свои длинные косы. Около широкой березы они остановились. Андрей снял старенькую полотняную рубашку, расстелил на густой сочной траве. Варя села на нее, не отпуская его руку. Пьянящий запах ясноглазых ромашек, нежного росистого клевера, плечи и руки любимого — все вместе горячей волной окутало девушку, затуманило мысли, и ее губы потянулись навстречу горячим губам юноши. Все растворилось в лавине страсти и желания, растекшейся по телу.

— Люби меня, дорогой, люби без памяти, — прошептала она, обнимая теплое мускулистое тело Андрея. Хотелось растаять в нем до конца, до последнего вдоха. — Люби так, будто это в первый и в последний раз.

— Да, любимая, да, — словно прошелестели его губы.

Варя и Андрей сидели некоторое время молча, прильнув друг к другу.

— Так бы всю жизнь, — мечтательно произнесла Варя.

— Так и будет, милая моя, — отозвался юноша и крепче прижал к себе Варю, обнимая за плечи.

— Правда?!

— Да, — подтвердил он, а потом прибавил: — Если твой отец позволит нам пожениться.

— А почему ты думаешь, что он будет против?

— Потому что ты такая...

— Какая?

— Хорошая, красивая! — восхищенно произнес парень.

— Красивая? — улыбнулась Варя. — Мама говорит, что такую худую и недокормленную никто замуж не возьмет.

— Глупости! Ты — самая лучшая! Ты — необыкновенная!

— Потому что в лесу знаю каждую птичку? Знаю, где их гнездышки, где белка прячется в дупле и когда у нее будут детеныши? Поэтому необыкновенная?

— Не зря же тебя за глаза иногда Мавкой называют, — прошептал юноша.

— Чепуха! Лишь бы не ведьмой.

— А еще ты грамотная и умная, — говорил Андрей. — Ты закончила церковно-приходскую школу, а я кто? Неграмотный, даже читать не умею.

— Я научу тебя! Разве ты виноват в том, что твой отец ушел под лед на зимней рыбалке, а мать так сломала ногу, что до сих пор с двумя палками еле передвигается? Ты правильно сделал, что взял на себя заботу о младших братьях. Главное, чтобы человек, рядом с которым я проведу всю жизнь, был порядочным, чтобы любил меня.

— Если бы это же понимал твой отец, — вздохнул Андрей. — Кто он и кто я? Он — богач, имеет двух батраков, и огород, и поля, и сенокосы, и даже вот эту березовую рощу. А у нашей семьи — клочок земли и пять ртов. Знаешь, как люди говорят: «На кривое дерево и козы скачут». То одежда нужна, то обувь, а о еде я уже молчу — только и думаешь, чего бы поесть.

— Ну и что?!

— О таких, как я, говорят: как не было добра смалу, не будет и до конца, — грустно сказал Андрей.

— Ну что ты такое говоришь?! Ты же меня любишь, а я — тебя. Отец души во мне не чаёт, неужели же он не желает мне счастья? Не враг же он мне?

— Вот потому-то все чаще общается с Василием. А тот в рот твоему отцу заглядывает и поддакивает, наверное, в зятя уже набивается. А как этот Василий на тебя смотрит! Глаза бы ему выколол, чтобы не только на тебя не таращился, а и света белого не видел!

— Ревнуешь? — улыбнулась Варя. — Мне этот Василий нужен как дыра в мешке!

— Зато у него около пяти гектаров земли, лошадь, корова, телочка да и еще разная живность. Заберет тебя Василий у меня. Что я тогда буду делать?

— Это если я пойду за него. Зачем мне чужая скотина? У нас своей хватает. Я же у папы поздний и самый младший ребенок, поэтому и такая любимая. После сестры Ольги и брата Михаила мама родила четырех девочек, и все они умирали в первые дни жизни.

— А почему?

— Наверное, потому, что мама отдыха не видит, вся в тяжком труде, вот и детишек рожала в поле, на работе. А тут я им на радость родилась, хиленькая, но живучая, потому и любят они меня без памяти. И дом новый построили, и хозяйство немалое держат, чтобы было мне и моему мужу и на стол, и к столу. Могут ли они пойти против нашего общего желания? Думаю, нет, — мечтательно сказала Варя. — Вот соберем урожай, смелем зерно, мне осенью исполнится двадцать лет, я постепенно подготовлю родителей, тогда и поженимся. Главное, чтобы сейчас никто не узнал, чтобы слухи о нашей любви не свалились на них как снег на голову. А потом заживем как люди. И все у нас будет хорошо.

— Твои слова да Богу в уши!

— Так и будет! Я это чувствую! Сердцем, душой чувствую! — горячо говорила Варя. Андрей перехватил ее взгляд, глаза сияли счастьем. — Раскрою тебе маленькую тайну, — почти прошептала Варя и хитровато прищурилась. — Отец говорил как-то, что отпишет березовую рощу мне в приданое. Ты можешь представить: все это место будет наше с тобой? Мы сможем приходить сюда когда захотим, днем и ночью, ни от кого не скрываясь.

— Моя ты мечтательница! — промолвил он с любовью. — А если отец будет настаивать на браке с Морозенко?

— Тогда я поговорю с Василием. Он сам откажется от меня.

— И что же ты ему скажешь?

— А это уже мое дело! Я знаю, что сказать! — уверенно произнесла девушка и прибавила: — Любимый мой, мне нужно возвращаться домой — вставать придется, едва сереть начнет.

— Я провожу тебя до самого двора, — предложил парень.

— Нет, — тихо, но решительно ответила девушка. — Только до улочки.

В маленькую хату, где посапывала во сне бабушка, Варя принесла запах лугов, скошенного сена, тысячелистника и тайной любви.

Девушка улеглась в постель, когда за окном еще спали синие тени и с неба с любопытством поглядывала на село желтая луна.

Глава 2

Все большое семейство Черножуковых, празднично разодетое, вышло из церкви после воскресной утренней службы. Варя сняла с головы чистенькую белую косынку, тряхнула головой. Две толстые косы с пушистыми расплетенными кончиками метнулись змеями по спине. Павел Серафимович отошел на обочину пыльной дороги, тянувшейся наверх, к церкви, сел на старый трухлявый пенёк, крякнул, важно провел ладонью по пышной бороде.

— Да иди уже обутый! — посоветовала жена Надежда, зная о намерении мужа.

— Ага! — хмыкнул Павел Серафимович. — Так и пошел!

— Вот так всегда! — вздохнула женщина и улыбнулась Варя.

— Отца уже не переделаете, мама, — произнесла Ольга, ее дочка, на что Варя прыснула, но сразу же прикрыла рот ладонью. Отец глянул на нее из-под густых бровей, но не сердито, а добродушно.

— Тебе лишь бы зубы скалить! — бросил он младшей дочке с упреком. — Вот будет у тебя муж, узнаешь, как те сапоги долго и тяжело зарабатываются и быстро изнашиваются, — сказал Павел Серафимович, снимая кожаные сапоги, начищенные так, что блестели на солнце.

— Когда это еще будет, — зарделась Варя.

— Не знаю когда, но Василий, как мне показалось, не на иконы на службе смотрел, а на тебя.

— Скажете такое! — Щеки Вари залил румянец. — Нужен он мне, как пятое колесо к телеге.

— Не знаю, не знаю. Говорил слепой: «Увидим». Так-то оно лучше! — сказал глава семейства. Он поднялся — высокий, крепкий, широкоплечий, — довольно улыбнулся, связал веревкой сапоги, перебросил их через плечо.

К Павлу Серафимовичу подходили крестьяне, уважительно здоровались, перебрасываясь словечком. Кто-то сказал, что возле колодца за селом сидит кобзарь Данила.

— Давно его не было видно, — заметила мать.

— Мама, папа! Можно я пойду песни Данилы послушаю? — спросила Варя.

— Да иди, доченька, — ответил отец, — воскресенье же сегодня, можно немного отдохнуть. А ты, Оля, пойдешь?

— Куда мне с моим выводком? — устало отозвалась Ольга. — Я домой, хоть часок какой-то отдохну.

— Меня можете не спрашивать, — вмешался в разговор сын Павла Серафимовича Михаил. — Мне нечего там делать.

— А это почему? Не хочешь песни послушать? Услышать, что в мире делается? — обратился отец к сыну.

— Не хочу слышать болтовню слепого старца! — грубовато ответил Михаил. — Нашли кого слушать!

— Не нравится — ступай домой. — Отец нахмурил брови.

— И пойду! Пока, папа, пока, мама. — Михаил натянуто улыбнулся. — Идем домой! — приказал жене и детям. Отец с грустью посмотрел вслед сыну, тяжело вздохнул, но промолчал.

— Я тоже пойду, — сказала Ольга.

— Приходите все к нам на ужин, — обратилась к ней мать.

— Посмотрим, — неуверенно ответила дочка.

— Папа, мама, а вы пойдете послушать старого Данилу? — спросила Варя.

— Ты иди, а мы с матерью заглянем домой, возьмем ему какой-нибудь гостинец и придем.

— Я с Ганнусей пойду! — весело сказала Варя, потому что уже заметила среди толпы, двигавшейся от церкви, свою подружку. Ганнуса, увидев Варю, подняла руку с белым платочком, помахала ей.

С Ганнусей Варя дружила с раннего детства. Отец подруги Иван Теслюк много лет был батраком у Черножуковых, поэтому к ним во двор часто прибегала его старшая дочка Ганнуса. Родители Вари всегда угощали ее чем-нибудь вкусненьким, и темноволосая веселая девчушка чуть ли не каждый день бывала у них. Варя так сдружилась с Ганнусей, что считала ее сестрой. Однажды отец Ганнуси попросил Павла Серафимовича взять на работу и дочку, ведь в семье еще было четверо младших детей. Павел Серафимович согласился. А почему бы и нет? Конечно, в посевную и жатву у них на поле трудилось едва ли не полсела, но работы хватало на каждый день — нужно было и за скотом присматривать, и огород обрабатывать. «У самих здоровья не

прибавляется, платить есть чем, да и Варя веселее будет», — подумал он и не ошибся. Девчонки были вне себя от счастья, а Ганнуся оказалась проворной и трудолюбивой. Это Варя худенькая и бледная, а ее подружка роста невысокого, но крепко сбитая, полненькая, щечки розовые, пылают, а уж если за работу возьмется — все в ее руках прямо горит!

— Варя! — подбежала к подруге запыхавшаяся Ганнуся. — Идем Данилу слушать? Уже полсела пошло! — затараторила девушка и вытерла платочком вспотевшее чело.

— Пойдем и мы! — Варя взяла подругу под руку и оглянулась. Ей ужасно хотелось хотя бы на мгновение увидеть Андрея, но того не было видно.

— Андрея высматриваешь? — толкнула ее локтем в бок подруга.

— Шш! — зашипела на нее Варя. — Еще кто-нибудь услышит.

— Я его не видела. А вот Василий на тебя так пялился! — Ганнуся вытаращила глаза и прибавила: — Как они у него не вылезли!

Подруги рассмеялись и побежали по тропинке с горы, взявшись за руки.

На краю села, около оврага, по обе стороны широкой дороги уже собрался народ. В тени развесистого калинового куста стоял небольшой колодец, который с десятков лет назад выкопали люди на средства кобзаря. Вот почему старый Данила Перепелица всегда занимал свое почетное место на скамье у колодца с чистой ключевой водой, которая в любую жару оставалась такой холодной, что прямо зубы сводило.

Кобзарь не случайно выбрал это место для колодца. Откуда он знал, что там есть источник, одному ему было известно, но каждый раз, странствуя, мог отдохнуть у дороги в тени и утолить жажду. Как-то Данила сказал, что таких колодцев по миру на собственные средства он сделал уже шесть. В этом никто не сомневался, люди знали: старый бандурист не бросает слов на ветер. Он ходит по свету и знает, что где творится, как живут люди в других городах и селах. Поэтому и спешили подкопаевцы на встречу с кобзарем, чтобы узнать новости. Ему верили, к его словам прислушивались, потому что знали: там, где другие молчат, правду скажет только он. Кого ему бояться? Вольный как ветер! А какое удовольствие послушать думы о запорожских казаках! Сколько же он их знал! И о казаках, которые попали в

турецкую неволю, и о казацком счастье, и о Байде, Марусе Богуславке, о Богдане Хмельницком и Петре Сагайдачном, о Самойле Кошке и братьях Самарских. Иногда мужики после того, как разбредутся женщины и разбегутся детишки, просили деда спеть и неприличные песни. Кобзарь не всегда соглашался, но иногда пел им шуточные песни, а мужики ржали так, что листья на калине тряслись.

Когда Варя с Ганнусей подошли к колодцу, свободного места на колоде уже не было. Поэтому девушки примостились сзади на мягком ковре густого спорыша. Слепой кобзарь Данила сидел на скамье в черной расхристанной рубашке, держа в руках бандуру осторожно и с любовью, как мать держит младенца. Его длинная седая борода достигала впалой груди. У ног лежала старая фуражка, а поводырь, мальчик-подросток с бельмом на правом глазу, сидел рядом на земле, подложив под себя котомку. Он не смущаясь уминал за обе щеки большой пирог с маком, которым его кто-то угостил, и запивал молоком из кувшина.

— Что вам, люди добрые, спеть? — спросил Данила, легонько коснувшись узловатыми пальцами струн и подгрифов кобзы, словно проверяя, все ли они на месте.

— Какую-нибудь грустную песню! — сказал кто-то из слушателей.

— Зачем начинать с печали? Что-нибудь душевное спой! — отозвался женский голос.

— Лучше уже об отце Богдане!

— Люди добрые, — сказал Данила, подняв голову. Он прищурил слепые глаза, будто всматривался в бездну синего неба и мог его видеть. — Послушайте о вдове Ивана Серка.

Сразу стало так тихо, что было слышно лишь чириканье неугомонной птички где-то в гуще калинового куста. Кобзарь защипнул ногтями струны, и ожили они звуком.

В городе Мереве жила вдова,
Старенькая вдова,
Серчиха-Иваниха.
Семь лет не видела она Ивана,
А было при ней двое сыновей —
Серченко Петр и Роман.

Полилась песня из уст исполнителя, а бандура[3] — как живая в его руках. Большой, указательный и средний пальцы бандуриста касались струн, а слушателей так пленила музыка, что им казалось: это затронуты струны души. И уже плачет душа вместе с вдовой, сыновья которой поехали искать родного отца и погибли. А голос бандуриста сильный, будто и лет на него нет. А когда дошел до слов о том, как плакала вдова, к земле припадая, одна из женщин негромко заныла, и на нее сразу шикнули: «Тихо ты!»

Что уж теперь на моей голове три печали обретают:
Первая печаль, что я семь лет ожидала,
Серка Ивана в глаза не видала;
Другая печаль — что Серченка Петра на свете живого нет;
Третья печаль — что Серченко Роман умирает.

Кобзарь закончил.

Струны протяжно зазвенели, будто рассеивая среди толпы печаль вдовы. Женщины уже не сдерживали слез — всхлипывали и вытирали их кончиками платков. И умеет же этот Данила растревожить душу!

— Бандура у тебя, Данила, как живая, — сказала пожилая женщина. Она уже не плакала, но слезы еще катились по вспаханному морщинами лицу.

— И правда, — прибавил усач, сидевший на колоде. — Забрел как-то в наше село один кобзарь, хотел порадовать песнями. И работы было полно, а мы, дураки, повелись, бросили все, пришли послушать. А он бренчит на ней, будто дразнит тебя, нет ни песни, ни музыки. Так прогнали мы его взашей, сказали, чтобы больше здесь не показывался.

— Да! Да! Было такое! — зашумели люди.

— Тогда мы поняли, что лучше нашего Данилы никто не сыграет, — продолжил мужчина.

Старый кобзарь чуть заметно усмехнулся себе в усы. Его частенько в разных селах называли своим, хотя он нездешний, с Полтавщины, но вряд ли это кому-то было интересно знать.

— То был не настоящий кобзарь, — сказал старик. — Сейчас их развелось, как блох у собаки.

— А у тебя инструмент заказанный, что ли? — насмешливо спросил кто-то.

— Кобза не заказана, но прошла ритуал освящения.

— Как это?

— Люди добрые, знаете ли вы, что бандура — единственный инструмент, который проходит освящение? — спросил бандурист и коснулся пальцами голосника, вырезанного посередине деки в виде цветка с шестью лепестками.

— Сделана из хорошей древесины, вот и звучит хорошо, — сказал молодой парень. На него сразу же недовольно взглянули мужики постарше: молоко на губах не обсохло, а он здесь калякает.

— Да, — согласился Данила, — древесина и работа мастера тоже имеют значение. Моя бандура сделана из ели, и таким мастером, которых уже не осталось на свете. Но имела бы она такой голос, если бы не прошла две степени посвящения? Сомневаюсь.

— Даже две?

— Да. Первый ритуал называется одклинщина[4]. Он состоялся возле святого храма, где не было ни одной посторонней души, лишь я под небом и Бог наверху. Тогда я, еще молодой и красивый, дал обет избранному пути. И знаете, сколько я тогда молитв прочитал? — спросил старик, не ожидая ответа. — Целых шестьдесят!

— Ого! И все знал наизусть? — спросил удивленный юноша.

— А то как же?! Я слепой с рождения, — ответил Данила и продолжил: — А второй обряд называется вызвилка[5]. Тогда я принес клятву из суровых присяг. Вот так! — сказал старик и тяжело вздохнул. — Я мог бы еще много интересного вам рассказать, но вы пришли не за моими воспоминаниями, поэтому послушайте песню «Сокол и соколенок».

Данила выдержал паузу, пока стихли голоса, и опять коснулся струн бандуры. Он знал, как растрогать людей. Разве могла оставить безразличными слушателей песня о соколе, который полетел в чистое поле «живность добывать, не добыл, дитя потерял»? Шли стрельцы, беспомощное дитя «в цепи запутали и понесли в город на рынок». Облегченно выдохнули слушатели, когда узнали, что Иван Богословец «большое имел милосердие», серебряные цепи с ног снимал, понес на гору и выпустил птицу на волю.

Дай, Боже, здоровье на многие лета
Всем православным христианам,
На многие лета,
До конца века!

Такими словами завершил свою песню бандурист.

У женщин и девушек еще не высохли слезы, а они уже улыбались — так красиво заканчивается песня! Люди благодарили бандуриста, но не аплодировали — не принято. Понесли гостинцы Даниле и сиротеповодырю. На расстеленной старой дырявой дерюге, которая, наверное, служила им и одеялом, и одеждой в ненастье, появились и хлеб, и пироги, и кусочки сала, и сыр, и молоко в кружечках, а в фуражку клали деньги.

Варя с Ганнусей послушали рассказ старика о том, как недавно в городе ревнивый муж зарезал свою молодую жену и новорожденного мальчика, а чтобы не упало на него подозрение, вложил в руки покойницы нож. Он сжег свою окровавленную одежду, а сам такой крик и шум поднял, что никто и не догадался бы ни о чем, если бы уже после похорон не нашли в печке кусок его несгоревшей окровавленной рубашки. И кто нашел? Соседский мальчик, который пришел к «убитому горем» мужчине, чтобы помочь убрать в доме.

— Не приведи Господи! — крестились женщины.

Варя еще немного покрутилась в толпе. Она кивнула отцу, который как раз выкладывал гостинцы для бандуриста и собирался повести с ним разговор о более важных делах в мире, и обратилась к подруге:

— Может, пойдем отсюда? Дальше будут неинтересные мужские разговоры.

— Пойдем! — согласилась Ганнуся.

Девушки взяли за руки и побежали в село. «Андрюша почему-то не пришел», — мелькнуло в Вариной голове, но вскоре она уже отвлеклась от мыслей о любимом, потому что они с подругой отправились поесть.

— А твой отец не будет ругаться? — поинтересовалась Ганнуся, когда от пирога с маком остался маленький краешек.

— Да ты что?! — засмеялась Варя. — Ты же хорошо его знаешь. Отец строг к другим, а душа у него добрая и мягкая. Знаешь, как он меня любит?!

— Знаю. Ласточкой называет. Странно как-то.

— Что же здесь странного? — спросила Варя, ставя кружку с молоком на большой круглый стол, застеленный белой вышитой скатертью.

— Никто в селе своих детей так не называет — не принято.

— А у меня папа такой! — с гордостью сказала Варя. — Он и поругает, и пожалеет, когда надо. А какие бусы он мне привез из города! Хочешь, покажу?

— И молчала! Неси же!

Варя потащила подругу к большому дубовому сундуку. На нем был замок, но девушка быстренько принесла ключ.

— Ой-ой! — Ганнуся испуганно оглянулась. — Разве можно?

— Можно! Папа с мамой еще долго будут кобзаря слушать, нескоро вернуться.

Варя достала две низки бус — красную и синюю, — приложила к груди.

— Какие лучше? — спросила она, засияв в улыбке.

— Ой! Какие чудненькие! Тебе и те, и те идут!

Варя покрутилась перед подругой, а потом заметила, как тень печали промелькнула по лицу девушки.

— Дашь когда-нибудь на праздник надеть? — спросила Ганнуся, коснувшись пальцами девичьей радости.

— А тебе какие больше понравились?

— Красные.

— Бери. — Варя протянула красную низку и широко улыбнулась. — Бери, бери! Это мой тебе подарок!

— А... Как же отец? — растерялась Ганнуся. Она заморгала, а потом уставилась на бусы, все еще не осмеливаясь взять их в руки.

— Я потом ему признаюсь, — махнула рукой Варя. — Не бери в голову, это уже моя забота. Ты же мне как сестричка. Разве нет?

— Да. — Ганнуся в конце концов взяла бусы, поднесла к глазам. — Какие же они красивые! Прямо сияют!

— Носи на здоровье!

— Спасибо! — Девушка опомнилась, обняла подругу, расцеловала в обе щеки. — Ты и правда моя сестренка!

— А еще я вот что тебе покажу, — таинственно произнесла Варя и склонилась над сундуком. Оттуда она достала новенькую керосиновую лампу с большим стеклом. — Это мне папа купил в новый дом! — гордо сказала Варя.

— О-о! Я такой еще никогда не видела! — Ганнуся восторженно рассматривала лампу, которая действительно была очень красивая.

Большая, роскошная, с зеленым снаружи и белым внутри фарфоровым абажуром, она не могла не вызывать восхищения.

— Она так ярко светит! Это — двенадцатилинейная[6] лампа. Я ее подвешу к потолку в самой большой комнате! — похвасталась Варя.

— Завидую я тебе, Варя, — сказала Ганнуся.

— Не надо, зависть — это зло. Я же с тобой поделилась бусами, зачем же мне завидовать?

— Все у тебя есть, — вздохнула Ганнуся.

— Не грусти. — Варя обняла подругу за плечи. — Вот соберем осенью урожай, заплатим налоги, тогда папа мне новые сапожки купит, а я тебе свои отдам. Они еще хорошие, мало ношенные.

— А отец позволит?

— Позволит! Я его уговорю. Теперь не будешь повторять, что мне завидуешь?

— Нет. Как хорошо, мои-то совсем продырявились. Их можно будет подлатать и отдать донашивать младшей сестренке, — быстро и возбужденно заговорила Ганнуся. — Ой! Что же это я все о себе? Хотела об Андрюшке спросить. Все бегаешь к нему на тайные свидания?

— Да. Не знаю, чем это закончится, — взгрустнула Варя. — Чует мое сердце беду.

— Какая там беда? — сказала Ганнуся, пряча за пазуху бусы. — Поженитесь, будете жить и как сыр в масле кататься!

— Поженимся ли? — промолвила задумчиво Варя. — Я знаю, что делать! Схожу-ка я к Уляниде, пусть она мне карты раскинет.

— Да что ты к ней ходишь? Она же ненормальная.

— А почему же тогда бежите к ней за помощью, если что-то случится? — возразила Варя. — Когда какая беда — все бегом к Уляниде. Кто-то обжегся — к ней, зубы заболели — туда же, потому что умеет она боль зашептать, живот свело — к ней за травами. А если все хорошо, то Улянида — дурочка! Нет, она немного странная, но все знает наперед. Святую правду говорит! Уляниде все ведомо.

— А нужно ли нам знать, что когда-то будет?

— Не знаю, — пожалала плечами Варя. — Я хочу выяснить, поженимся мы с Андреем или нет, — сказала девушка, решив наведаться в одинокую избушку Уляниды, примостившуюся на самом краю села.

Глава 3

Ольга собиралась стирать, когда к ней зашел брат Михаил. Она попросила его поставить большие чугуны с водой в печь, потому что носила седьмого ребенка и до родов оставались считанные дни, но брат быстро ушел, сославшись на срочные дела. Ее мужа Ивана тоже не было дома, а со свекрови и свекра какой прок? Старые и немощные, хоть самих на руках носи. И старшую дочку Олесю тоже грех заставлять поднимать такую тяжесть. Шестнадцать лет исполнилось девке, а она такая маленькая, худенькая и бледная, глянуть страшно. И не голодает, а не растет никак. Ее подружки такие пышногрудые, ноги у них, как бутылочки; у Олеси же не ножки, а палочки. Куда ей поднять такие чугуны с водой? Еще в талии переломится. Не в мать пошла девчонка. Ольга высокая, статная, руки полные и крепкие, что муж не осилит — сама сделает, не переломится. Так что пришлось Ольге самой таскать воду из колодца, наполнять чугуны и засовывать их в печь. Едва управилась — поясницу свело, ни согнуться, ни разогнуться. Ойкая и проклиная нелегкую женскую долю, она прилегла, да и то лишь на несколько минут. Не привыкла валяться в постели, с детства была приучена родителями к работе, так что, едва боль отступила, поплелась собирать белье для стирки. Ольга взяла полотняные простыни, дерюги, понесла их к специальному бочонку для замачивания белья, который стоял во дворе под забором. Сложенное белье опустила в бочонок, наклонилась, чтобы утрамбовать. Большая семья — стирки хватает. В животе так больно кольнуло, что женщина громко вскрикнула, схватилась за низ живота, присела.

— Мама, что случилось? — Из коровника выскочила перепуганная Олеся, подбежала к матери. — Что, уже начинается?

— Нет. — Ольга вяло улыбнулась. — Кажется, прошло.

— Так отдохните, я сама справлюсь, — сказала Олеся и ловко сложила белье. Его было столько, что бочонок наполнился до самого верха.

Олеся прикрыла белье тряпкой из грубого неотбеленного полотна, насыпала пепла.

— Мама, идите в хату, отдохните, а то еще родите раньше времени, — приказала Олеся так по-взрослому, что Ольга не удержалась, улыбнулась.

— Хорошо, помощница моя, — сказала она ласково, отчего милое лицо девочки прямо засветилось. От матери услышать доброе и ласковое слово — такая редкость, хотя Олеся всегда пыталась ей угождать. Разве виновата она, что родилась слабенькой и хилой?

Ольга, переваливаясь с боку на бок, как откормленная жирная утка, пошла в хату, прилегла. Действительно, надо немного полежать. Пока закипит в чугунах вода, она отдохнет, а там наведается Варя, поможет залить белье в бочке кипятком. Вечером вернется домой Иван, она возьмет валёк, и вместе пойдут на озеро стирать.

Ольга проснулась от дикого крика Олеси. Вскочила, побежала на шум. Посреди комнаты валялся перевернутый чугун. В клубах пара стояла дочка и изо всех сил кричала — ноги ее были красные.

— Мама, я обварилась! — трясла руками от боли Олеся. — Я не хотела! Я только хотела помочь!

— Зачем ты их брала?! Пусть они сгорят, те чугуны! Господи, что же делать? — заголосила Ольга.

К счастью, вовремя появилась Варя.

— Олеся, солнышко, ты можешь сама идти? — спросила Варя.

— Да, — сквозь слезы ответила девушка.

— Тогда сейчас же идем к Уляниде! — скомандовала Варя.

— И я с вами! — покачиваясь, двинулась за ними Ольга.

— Сиди уже дома! — махнула ей рукой Варя. — Мы сами справимся.

Она взяла Олесю под руку, и девушки вышли со двора. «Добрая, мягкая душа у Вари, — подумала Ольга. — То в лесу выпавших из гнезда птенцов подбирает и сажает на место, то брошенного зайчонка принесет из лесу и выкормит, чтобы потом выпустить на волю. Готова всем помочь, последнюю рубашку с себя снять и кому угодно отдать. А так нельзя... Избаловали ее родители дальше некуда. И как она собирается жить дальше?»

Улянида помазала обожженные места на ногах Олеси какой-то мазью, положила примочки из трав, накрыла ноги увлажненными

полотенцами. Потом дала девушке выпить травяной напиток.

— Идем отсюда, — были первые слова, которые произнесла Улянида с того момента, как Варя привела заплаканную Олесю. Варя не удивилась. Иногда она заходила к этой нелюдимиой женщине, поэтому привыкла к ее чудачествам. — Сейчас она немножко поспит, потом я смажу раны еще раз, дам мази, чтобы дома пользовалась. Заживет быстро.

Олеся действительно перестала скулить, как побитый щенок, немножко повсхлипывала и утихла, прикрыв глаза.

— И как тебе это удастся? — шепотом спросила Варя, следуя за Улянидой.

— Что именно? — уточнила женщина и села на скамейку.

— Людей лечить. Я бы тоже так хотела.

— Не нужно, — коротко сказала Улянида.

Вообще-то она была крайне молчалива и неразговорчива, не все в селе и слышали ее грубоватый низкий голос. К ней шли за помощью, ее и проклинали как ведьму, побаивались и сторонились. Только Варя могла ее разговорить. Девушка не боялась Уляниды, не охаивала, как другие. Варю интересовало все: и бесчисленные пучки трав, которые висели повсюду, и мешочки с разными семенами, и сумочки с высушенными лягушками и змеиной кожей. Все в хате Уляниды было наполнено незнакомыми запахами и таинственностью.

— Почему не нужно? — спросила Варя, сев напротив женщины.

— Хочешь узнать, что такое неблагодарность? Тогда сделай людям что-то хорошее.

— Зачем ты так? Если ты к людям с открытым сердцем, с душой, то и они к тебе так же.

— Молодая ты еще, зеленая. Проживешь с мое — не так запоешь.

— А ты можешь мне карты раскинуть? — решила спросить Варя, ведь как знать, когда еще выпадет случай пообщаться с Улянидой.

— Зачем?

— Хочу знать, что меня ожидает впереди.

— Иногда не нужно знать. Лучше не знать.

— Мне очень надо знать, поженимся ли мы с... одним парнем, — призналась Варя.

— Хорошо, — ответила Улянида.

Женщина достала из-под скатерти потертую колоду карт, разложила на столе так, потом — иначе, еще раз перетасовала колоду, опять разложила. Варя с любопытством смотрела то на карты, то на лицо Уляниды. Большой мясистый нос женщины свисал почти до верхней губы, а в маленьких, глубоко посаженных глазах ничего не разглядишь, даже настроения не уловишь. Улянида долго молча смотрела на карты, затем выпрямилась, прищурилась и начала медленно монотонно раскачиваться. Варе стало страшновато. А когда ворожка заговорила, глаза девушки расширились от ужаса.

— Будешь ты замужем, и не раз, — едва слышно сказала Улянида. Варя затаила дыхание, чтобы не пропустить ни одного слова. — Тучи, черные тучи нависли над селом. Они уже совсем низко, а в них горе и слезы, слезы и горе. И плакать по умершим нет уже сил. Сил у людей нет — столько горя вокруг... Мертвецы под ногами, а их некому хоронить — всем безразлично, все хотят жить... И пойдет брат на брата, сына отец проклянет, а сыновья отрекутся от родителей. Такое будет. Скоро. Очень скоро. Своя плоть будет самой вкусной... И родной кровью детей кормить будут. А хлеб станет и жизнью, и смертью.

— Как это? — дрожащим голосом спросила вконец перепуганная Варя. Она пыталась понять, что хочет сказать Улянида, но совсем ничего не понимала.

— И небо, — продолжила Улянида, не услышав слов девушки. — Одно на всех небо будет расколотым.

— Как это?

— И небо расколется пополам, — повторила Улянида. Она открыла глаза и пристально посмотрела Варе в глаза. — Ты хотела услышать правду? Я ее тебе сказала. Все!

Часть вторая

Время размышлений

Глава 4

Кузьма Петрович Щербак, секретарь парторганизации, придя на рабочее место, вспомнил, как утром встретил своего названного брата, местного богача Павла Серафимовича. Казалось бы, что может побратать представителей двух противоположных классов? А все началось в далеком детстве, когда они еще вместе пасли за селом коров. Павлу мать принесла обед: кусок сала, душистый хлеб, сыворотку в кувшине. Тот сел есть, а Кузьма достал одну постную вареную картофелину, начал ее чистить. Есть хотелось так, что прямо гудело в животе, и хоть был из бедной семьи, просить не стал. Вспомнил, что дома еще пятеро братьев и сестер, а кормилица — одна мать, отец умер от чахотки, и неизвестно, осталось ли в хате хоть что-то из еды или нет, а ему вот дали картофелинку, должен же кто-то пасти корову. Тогда Павел подсел к нему, разложил свою снедь, предложил: «Давай вместе». Так и сказал. Если бы угостил куском — не взял бы, отказался, а вместе можно и пообедать. И таким вкусным все показалось, даже мир посветлел. Павел не доел один кусочек сала, отдал Кузьме. «Отнесешь младшим, — сказал он, улыбнувшись. — Скажешь: гостинец от зайчика».

В тот день была страшная жара, поэтому ребята погнали коров ближе к озеру, чтобы там выкупаться. Павел бултыхнулся в воду и поплыл на противоположный берег. Кузьма решил не отставать, но то ли сил не рассчитал, то ли так отощал от постоянного недоедания, — начал тонуть. Павел вытащил его на берег, откачал воду, которой тот наглотался. Кузьма попросил никому не говорить, что случилось, потому что ребята засмеют. Павел дал слово держать язык за зубами, а Кузьма предложил стать ему братом. Чтобы все было по-настоящему,

мальчишки ножичком сделали надрезы на руках и, когда потекла кровь, приложили руку к руке и поклялись в вечной дружбе. Может, они бы и дальше дружили, но через несколько лет бездетная тетка из Харькова забрала трех детей на воспитание, взяла к себе и Кузьму. Раз в несколько лет он приезжал в родное село к матери, чаще всего летом, и ребята опять были вместе. Затем жизнь набрала безумные обороты, и Кузьма все реже появлялся в Подкопаевке, а вот теперь приехал навсегда.

Недолго прожила старая Щербачиха при сыне и невестке, через неделю умерла. Казалось, что всю жизнь ждала его и, дождавшись, успокоилась, легла на скамью, сложила руки на груди и тихонько отошла. Кузьма похоронил мать как подобает и принялся прихорашивать старенькую хату. Невелико наследство досталось, да много ли им с женой Марией нужно? Деток у них нет, поэтому места на двоих хватит.

Как-то не находил времени навестить названного брата, а сегодня случайно встретил — обнялись, похристосовались, перебросились парой слов. То ли время остудило отношения, то ли почувствовал Черножуков, что они теперь на разных полюсах? Кузьма Петрович на партийной должности уже не первый год, с достоинством выдержал чистку рядов в апреле этого года, а теперь партия направила его в родное село с важной миссией. На него возложены большие надежды, которые он должен оправдать. Село не выполняет плана хлебозаготовок, хотя большинство живет не бедно. Конечно, выполнить план, который правительство подняло в полтора раза, тяжеловато, но необходимо, очень нужно для государства. В селе полтысячи хозяйств, и только десяток из них сообща возделывали землю. И что из этого? Весной так-сяк вместе провели посевную, а собирали урожай отдельно. Не оправдало надежд общее пользование земель, потому и возложили на него, принципиального, бескомпромиссного коммуниста со стажем, задачу провести коллективизацию и создать новую общественную собственность — колхоз. Если справится — а обязан, ведь партия не знает слова «может», есть слово «нужно», — хозяйство получится приличное. Плодородной земли здесь много, такой чернозем, что только держись! Если к подкопаевским угодьям присоединить еще и два хутора, Надгоровку, что немного выше села, и Николаевку, которая ниже, то

получится неплохое хозяйство. Вокруг есть и пастбища для скота, и лес, хоть не так уж и много. Хорошее здесь место. А если проехать с десяток километров на восток Луганщины или на юг, то там лишь степи и рвы, неосвоенная земля, где порой на километры тянутся песчаные неплодородные почвы.

Конечно, один в поле не воин, поэтому для координации действий на месте прислали в село уполномоченного от ГПУ[7] из Ростова-на-Дону Лупикова Ивана Михайловича, коммуниста, участника гражданской войны. Кузьма Петрович уже успел с ним познакомиться и даже подружиться. Иван Михайлович произвел приятное впечатление, правда, был горяч, слишком уж непоседлив и нетерпелив, ему хотелось сделать все и сразу. На место назначения Лупиков прибыл один, без семьи, оставив жену с дочкой в Ростове. Наверное, это было правильное решение. Его миссия в Подкопаевке была временной и нелегкой. Кто его знает, как встретят крестьяне нововведение? Возможно, будут сопротивляться? В селе всегда к новому относились настороженно, а тут им предложат новую жизнь, к которой они не готовы. Кузьма Петрович понимал, что лучше избрать осторожную тактику, чтобы сразу не навредить, не настроить крестьян враждебно против колхозов. Поэтому и не спешил принимать решение, а весь месяц ремонтировал родительскую хату, прислушиваясь к каждому слову жителей села.

А вот горячий молодой коммунист Иван Михайлович сразу рвался к работе, готовый в один день изменить все кардинально. Кузьма Петрович по-отечески, ненавязчиво посоветовал ему обжиться в новом жилище — покинутой хате, подремонтировать крышу, из которой соседи уже повыдергивали немало соломы, прикупить в городе кое-что для хозяйства. А главный совет — не спешить, присмотреться, кто чем в селе дышит. Молодой коммунист, или, как его уже прозвали, «чекист», недовольно пофыркал, но послушался старшего товарища. Некоторое время он приводил в порядок свое жилье, а затем они вместе начали готовиться к первому общему собранию.

Во-первых, нужно было избрать нового председателя сельсовета вместо старого пьянчуги. Для этого на партийном собрании в ряды коммунистической партии приняли Максима Игнатьевича Жабьяка. Он человек порядочный, непьющий, из бедняков. Пополнил ряды партии и Семен Семенович Ступак, коренной житель Подкопаевки, человек

честный, справедливый, грамотный, хотя и из бедной семьи. Ему крестьяне доверяли, его уважали за справедливость и рассудительность. Семен Семенович воевал в рядах Красной армии, был ранен. Осколком ему раздробило кости ноги, теперь она не сгибалась и Семен Семенович хромал. Его кандидатуру наметили на председателя новообразованного колхоза, следовало лишь умело подвести к этому людей. Провели также собрания и пополнили ряды комсомольцев несколькими бедняками, ведь на них, молодых и инициативных, возлагает надежды партия, им своими руками строить светлое будущее. Следовало создать крепкую ячейку из коммунистов и комсомольцев, тогда дело коллективизации будет успешно завершено.

Кузьма Петрович поднялся из-за стола, почувствовав в теле весь холод маленькой комнаты сельсовета. Подошел к печке, подбросил сухих дровишек в огонь. Рано началась зима и ударили первые морозы. Мужчина подошел к окну, засмотрелся на безлюдную улицу. В такое ненастье хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. А вот и первые прохожие. В скрюченной фигуре Кузьма Петрович узнал старую горбатую Секлету. За ней с вязанками хвороста через плечо плелся ее сын, придурковатый Пантеха. Он то вдруг подскакивал, то по-дурацки скалил зубы, то останавливался, чтобы поковыряться пальцем в носу. Бедные люди! И мать-то не совсем в себе, да еще и родила неполноценного сына. Хорошо, что в селе много жалостливых людей, — и еду занесут в их избушку, и кое-какую одежду. Такие, как Секлета и Пантеха, запишутся в колхоз, им-то все равно терять нечего, но какая с них польза?

Вот такие, как Черножуковы, очень нужны. Вся их семья живет богато. Гордей Серафимович — бондарь. Если кому бочка нужна или новый сундук — идут к нему, потому что у него золотые руки. У его жены швейная машинка, одна на все окрестные села, и шьет женщина хорошо, неплохо зарабатывает. А еще у них семь гектаров земли, три лошади, большое хозяйство. У второго брата, Федора Серафимовича, не только восемь гектаров земли, лошади и коровы, но и своя кузница. Но не они тревожили Кузьму Петровича. Чувствовал, что самой большой головной болью станет старший, Павел Серафимович. Названный брат имел в своем хозяйстве пять лошадей, бычка, шесть коров да еще пятнадцать гектаров наилучших земель. К тому же в его собственности были сенокос и березовая роща за селом. И даже не

такой значительный достаток беспокоил Кузьму Петровича. Главным препятствием могло стать то, что Павел Серафимович пользовался уважением односельчан. Случаются проблемы — бегут к нему, с ним советуются, к его слову прислушиваются. Кому-то старший Черножуков даст дельный совет, кого-то пожалеет, кому-то поможет и хлебом, и деньгами. Строгий, но справедливый — вот такого перетянуть бы на свою сторону! Но сделать это будет почти невозможно, поскольку с молоком матери он впитал понятия «мое» и «я сам себе хозяин». С дедов-прадедов такие Черножуковы срослись со своей землей, сплелись корнями так, что по живому не отдерешь. Возможно, со временем изменится его мировоззрение и он воспримет общее хозяйство, но сейчас его «мое» для него самое важное. Как его изменить? Как доказать, что за колхозами будущее?

Кузьма Петрович еще долго стоял в задумчивости, глядя в окно, за которым уже сейчас зима припорошила свои владения первым мелким снежком. Он не знал наверняка, как будет действовать дальше, чтобы не спугнуть Павла Серафимовича, а подойти к нему осторожно, может, даже тактично. «Главное — не ранить зверя, потому что перед лицом смерти он может стать опасным, — рассуждал Кузьма Петрович. — Важно, чтобы молодой коммунист не наломал дров — все-таки у него больше полномочий, но меньше сдержанности».

Глава 5

Посоветовавшись, Кузьма Петрович и Иван Михайлович решили не приглашать на первое собрание крестьян уполномоченного из райкома. Целью собрания была не запись в колхоз, а разъяснительная работа и агитация. Требовалось донести до сознания людей, что пришли новые времена, когда нужно отходить от единоличных хозяйств и создать новое, общее, более перспективное хозяйство. Активисты, новоиспеченные комсомольцы, обошли все дворы, чтобы сообщить о собрании в каждом доме. Конечно, можно было этого и не делать, потому что в селе уже не один день только и разговоров, что о чекисте да коммунисте, которых прислали для создания коллективного хозяйства. К тому же недавно побывал «в гостях» бандурист Данила. От него и узнали, что повсюду идет коллективизация и создаются колхозы. Эти новые слова, как и перемены в селах, пугали людей, заставляя советоваться друг с другом. Никто не знал точно, что их ожидает, а ожидание и неизвестность сделали людей осторожными и тревожными.

Собрание должно было состояться в сельском клубе, который находился в бывшем барском имении. Помещение было достаточно большим, потому его разделили на две половины. В одной был клуб, в другой — школа, а сбоку пробили двери, где в одной комнате обосновался сельсовет; вторая, с обтрепанными и потрескавшимися стенами, пока что пустовала — там складывали бумаги, краску и красную ткань для лозунгов, а в углу примостились метла, несколько лопат и лежали дрова. К собранию написали лозунг «План во двор, а хозяин — домой!» и вывесили над сценой рядом с портретом Сталина. Таково было распоряжение Ивана Михайловича, который недавно ездил на совещание в район и где-то заметил такую надпись. На сцену вынесли большой стол, накрыли красной материей. В ведро с песком воткнули древко с красным знаменем, поставили заранее на сцене, а перед собранием расставили на столе лампы для освещения и графин с водой — тоже нововведение Ивана Михайловича.

Постепенно помещение наполнялось человеческими голосами. Крестьяне подходили, здоровались, усаживались на длинные скамейки. Мужчины пыхтели папиросами и негромко переговаривались между собой, обсуждая погоду. Иногда кто-то бросал шутку, и все взрывались смехом. Женщин и девушек было намного меньше. Девушки шушукались, строили глазки группе ребят, женщины обсуждали то стельную корову, то детей, которые с первыми холодами начали простужаться. Одна из женщин достала сумку жареных подсолнечных семечек, к ней потянулись руки, разобрали по горсти, и полетела под ноги скорлупа. Между рядами бегала неугомонная детвора, гоняясь друг за другом, но детишек было немного — не у всех имелась обувь, чтобы в такое ненастье выйти на улицу. Дети притихли, как только в помещение зашел чекист. Еще бы! Он был одет в кожаную блестящую куртку, от него пахло одеколоном, но не это привлекло внимание детей. На поясе у мужчины висела кобура, из которой выглядывал наган. Мальчишки зачарованно, с разинутыми ртами рассматривали оружие.

— А он настоящий? — спросил самый маленький, тыча пальцем на наган.

— А то! — степенно сказал старший. — Конечно, настоящий! — прибавил он и надвинул малышу картуз на глаза; все мальчишки засмеялись.

— И патроны в нем есть? — спросил неугомонный малыш, поправив на лбу картуз.

— А как же! Не кукурузой же он заряжен! — объяснил старший, и все вновь засмеялись, поддерживая друга.

— А в кого он будет стрелять? — снова поинтересовался любопытный малец.

— Во врагов. В кого же еще?

Мальчишка на мгновение умолк, не совсем понимая, где же эти враги, в которых нужно стрелять.

— Вот если бы он дал мне пострелять! — вздохнул малыш.

— Так пойдя попроси.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ